

Этот год будет тяжелее прошлого

Но легче следующего. Мир меняется, государства изолируются, институты под угрозой. Но даже без оптимизма надежду сохранять нужно.

В последние годы каждый декабрь я вспоминаю время, когда Джереми Корбин, тогда лидер оппозиционной Лейбористской партии в принявшей меня стране, Великобритании, цитировал знакомую мне новогоднюю речь. «Этот год будет тяжелее прошлого», – сказал он. Слова Корбина были мне знакомы, потому что он цитировал Энвера Ходжу, печально известного коммунистического лидера моей родной страны, Албании. Ходжа продолжал фразу: «С другой стороны, он будет легче следующего». Комментарий Корбина вызвал бурную реакцию: одни увидели в нем доказательство, что лейбористы превратились в марксистскую секту, а другие осуждали его за бесчувственность к травмам, оставленным коммунистическим прошлым Албании.

Под властью «дяди Энвера» Албания, где прошло почти все мое детство, была одним из самых изолированных мест на земле, отрезанным и от «ревизионистского» Востока, и от «империалистического» Запада. Она существовала в своей капсуле времени, и эта суровая реальность формировалась лояльностью, пропагандой, слежкой и репрессиями против инакомыслящих. Представления о будущем определяли бывшие мифы о героическом самопожертвовании и самодостаточности, вплетенные в теории заговора о неминуемой иностранной агрессии.

Каждый Новый год приносил новую паранойю, новый дефицит, новые дисциплинарные меры, новые призывы к терпению. Единственным постоянным направлением инвестиций государства было строительство бункеров. Как можно было даже отдаленно сравнивать это с тем, что происходило на Западе?

Но, несмотря на весь ее черный юмор, который албанцы и многие другие в тот момент не оценили, речь Корбина (и использованная им цитата) оказалась на удивление проницательной. Она уловила жуткий мрак и страхи, с которыми большинство левых встречаются

теперь каждый Новый год, начиная с 2016 года. Брексит казался тогда финальной катастрофой. «Возвращаем контроль». Этот триумфальный лозунг британского выхода из Евросоюза заставил вздрогнуть космополитические элиты на всем Западе.

Многие спешили тогда запастись товарами на случай Брексита «без соглашения», и я помню, как меня спрашивали, не напоминают ли мне полупустые полки супермаркетов Албанию при Ходже (нет, не напоминали). Но сегодня, оглядываясь назад после первого избрания президента США Дональда Трампа, глобальной пандемии, войн в Украине и Газе, возвращения Трампа в Белый дом, даже самые ярые противники Брексита теперь могут признать, что их паника была немного преувеличенной.

Или нет? В следующем году у Брексита десятилетний юбилей. Безусловно, это важная символическая веха для нынешней эпохи глобализации. Тот референдум ознаменовал возврат к миру, в котором государства усиленно изолируются друг от друга, институты становятся заложниками произвола отдельных лиц, а верховенство закона явно находится в необратимом упадке.

Вряд ли предстоящий год станет иным. Призыв сторонников Брексита «вернуть контроль» (когда-то у него была хотя бы видимость интеллектуальной честности, поскольку он приглашал к оправданной дискуссии о суверенитете) деградировал до полноценной конспирологической теории. Контроль, говорят нам теперь, невозможен из-за постоянной угрозы со стороны иностранцев и тех, кого признается неспособным к «интеграции».

Будущее, похоже, сулит нам лишь смесь страхов и паранойи. А чего еще можно ожидать в мире, где надежно растут только рынки, связанные с военным сектором, и где технологические инновации, похоже, все чаще нацелены на совершенствование искусства взаимного уничтожения? Где в таких условиях еще можно найти надежду?

Другой путь

В своем эссе 1784 года «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» немецкий философ Иммануил Кант пытался найти такую позицию, с которой можно интерпретировать историю как нечто большее, чем просто печальное зрелище насилия, несправедливости и иррациональности, и выявить закономерности, способствующие развитию моральных ориентиров. По мнению Канта, это было сложно, потому что люди не всегда стремятся к тому,

что соответствует их собственным рациональным интересам. У них есть свобода воли, которая позволяет им понимать, что является правильным, но при этом делает их подверженными ошибкам.

Парадоксально, но Кант видел в войне (точнее в иррациональности войны) ключевой путь к надежде. Он верил, что наступит время, когда война станет не только абсолютно разрушительной и непонятной, но еще и экономически неподъемной – причиной безудержного роста долгов и разорения. Он полагал, что эскалация конфликта между интересами государств и расширением мировой торговли со временем сделают «влияние каждой встряски в одном из государств в нашей части мира на все остальные государства столь заметным», что должна будет возникнуть новая политическая конфигурация. Он предвидел появление в будущем космополитической федерации, подобной «которой в мире прошлого нет примеров».

Со временем в мир действительно появился такой пример, хотя и несовершенный. Кант предсказывал, что «после многочисленных катастроф, разворотов и даже полного истощения их сил» природа «подтолкнет людей к тому, что им уже мог бы сказать их разум без всего этого мрачного опыта». Казалось, что его предсказание сбылось, когда в кошмарных условиях тюремного лагеря на острове Вентотене, куда Муссолини ссылали своих демократических соперников, Альтьеро Спинелли и Эрнесто Росси написали манифест, в котором доказывалась необходимость создания федеративной Европы, где государства будут связаны не завоеваниями, а сотрудничеством.

Позднее «Манифест Вентотене» вдохновлял создателей Европейского объединения угля и стали, а потом и ЕС. Это была исторически беспрецедентная попытка превратить общие экономические интересы в моральный и политический проект. В середине 2000-х этот проект был еще очень живым. На университетских семинарах бурно обсуждалось будущее Европы как наднационального института и споры велись по вопросу, как превратить функциональную интеграцию нынешнего союза в нечто более амбициозное: в политическое тело, опирающееся на «право», а не «силу». Это было время, когда европейцы еще могли мечтать о конституционном собрании, представляющем «Нас, народ Европы». Это был момент надежды.

Дайте мне убежище

Парадоксально, но сегодня Албания – единственное место, где эта мечта еще жива. Эта страна, похоже, снова оказалась в капсуле времени – в альтернативной реальности, которая напоминает мне роман болгарского писателя Георги Господинова «Времеубежище», где люди выбирают историческую эпоху, в которой хотят жить. Для албанцев идеальная эпоха – это ЕС с середины до конца 90-х, примерно с момента подписания Маастрихтского договора и до конституционного проекта. Победу на выборах в Албании приносят обещания вступить в ЕС, а законы принимаются мгновенно, чтобы привести их в соответствие с *Acquis communautaire* (корпусом законов ЕС).

Но у всего этого есть цена. Центры временного содержания, построенные Италией на албанском побережье в городах Шенджин и Гядер для размещения депортированных просителей убежища, напоминают о времени и порядке, в котором сейчас живет остальная Европа (и значительная часть мира). Там мы находим пороговое пространство между космополитическим идеалом и будущей антиутопией.

В речи, произнесенной в итальянском парламенте в марте 2025 года, премьер-министр Джорджа Мелони лучше всех сформулировала этот новый порядок. Неудивительно, что она выбрала своей мишенью «Манифест Вентотене», чьи авторы писали: «Проблема, которую надо решить первым делом – а без этого весь остальной прогресс окажется лишь поверхностным – окончательно отменить разделение Европы на национальные суверенные государства».

Именно поэтому Спинелли и Росси выступали (среди многих других разумных предложений) за разделение властей, важность демократизации экономики, роль культурной инклюзивности, политическую необходимость мобилизации широкой коалиции прогрессивных партий. На все это Мелони возразила: «Я не знаю, ваша ли это Европа, но точно не моя»; и добавила, что надеется, что люди, защищающие этот документ, его не читали.

За пределами Италии этого почти никто не заметил. Возможно, потому что сегодня Европа гораздо ближе к идеям партии Мелони «Братья Италии», чем к идеям первых федералистов Европы. Вклад европейской элиты в представления о будущем теперь состоит в основном из аплодисментов модели Мелони для «управления миграцией» и в щедрой лести Трампу в надежде на мизерные торговые уступки. А недавний призыв президента Еврокомиссии

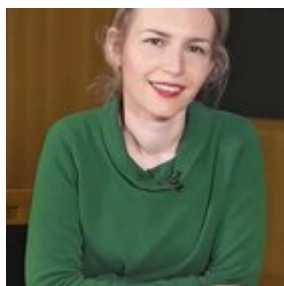
Урсулы фон дер Ляйен «переворужить Европу», признаюсь, напомнил мне кампанию по строительству бункеров в Албании.

Задумываясь о предстоящем годе, я вновь возвращаюсь к Канту и его напominанию, что в человеческих делах никто не может реально предсказывать будущее. «Гипотетическая история», писал он, отличается от естественной истории тем, что ход человеческих событий зависит от свободы, а не от необходимости. Единственное пророчество, которое может сбыться, – это то, которое пророк помогает реализовать.

Итак, вместо спекуляций на тему, что может случиться, я скажу о надежде. Той, которую Вацлав Гавел называл надеждой без оптимизма: моральный долг, который сохраняется, даже когда перспективы выглядят мрачно. Надежда увидеть, как идеи, которые когда-то вдохновляли институты Европы, возвращаются на ее улицы, чтобы защитить права мигрантов и выступить против военной машины. Прогресс никогда не гарантирован, но он всегда возможен, при условии, что мы будем действовать так, будто он гарантирован. И размышляя в этой странной манере гипотетической истории, мы могли бы поступить и хуже, не возрождая дух сопротивления, который дал нам космополитический социализм «Манифеста Вентотене».

Copyright: Project Syndicate, 2025.

По этой ссылке статья откроется без VPN

Леа Юпи

Леа Юпи (Lea Ypi) – профессор политической теории в Лондонской школе экономики, автор книг «Позор. Переосмысленная жизнь» (Allen Lane, 2025) и «Свободная. История взросления на сломе эпох» (Penguin, 2022).

